

Научная статья

УДК 339.9(470+100)

EDN [DICEGS](#)

DOI 10.17150/2411-6262.2022.13(3).4

Ю.М. Берёзкин , Л.В. Каницкая, Т.В. Файберг, И.Н. Щербакова*Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация*Автор, ответственный за переписку: Ю.М. Берёзкин, BerezkinUM@bgu.ru

ФИНТЕХ КАК СРЕДСТВО ПРЕОДОЛЕНИЯ САНКЦИОННОГО УЩЕРБА РОССИЙСКИМ ИНСТИТУТАМ РЫНКА

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу ущерба институтам рынка России, нанесенного западными санкциями, а также прочерчиванию принципиальных направлений преодоления санкционного ущерба институтам с использованием современных финансовых технологий (ФинТех). Под термином «институт» понималась нормативная социальная «ткань» общественных отношений, складывающаяся исторически. Всякий институт имеет два обязательных смысловых плана: а) укорененные в общественном сознании нормы жизни и деятельности; б) их реализационные механизмы (учреждения) – конкретные банки, налоговые конторы, контролирующие органы и т.п. Показано, что за годы рыночных преобразований в России реализационные механизмы институтов обмена были «вживлены» в институциональную «ткань» Запада. Под них были перестроены институциональные структуры распределения, а структуры институтов производства замкнули на институты обмена. Западные санкции привели к слому российских институтов обмена и производства: они не успели за четверть века укорениться в российском общественном сознании, а из западной институциональной «ткани» были «вырваны». В результате возникла угроза остановки хозяйственной жизни. Для устранения (смягчения) санкционного ущерба предложено использовать возможности, имеющиеся у современного ФинТеха: 1) безденежное соинвестирование материальных ресурсов, принадлежащих разным собственникам, в рамках совместных предпринимательских проектов (Shared Investing); 2) выстраивание цепочек приращения добавленной стоимости с целью максимального снятия трансакционных издержек институтов рынка; 3) использование стоимостных «машин» Intangible (визуализирующих процессы работы со стоимостью). Показано, что ФинТех может компенсировать ущерб, нанесенный институтам капитала и денег, а также — начать организовывать производство на новых, более эффективных (чем традиционные) принципах.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Институты рынка и их типология, санкционный ущерб, финансовые технологии, цифровые платформы, трансакции.

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ. Дата поступления 8 июня 2022 г.; дата принятия к печати 29 июля 2022 г.; дата онлайн-размещения 31 августа 2022 г.

Original article

Yu.M. Berezkin , L.V. Kanitskaya, T.V. Faiberg, I.N. Scherbakova*Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation*Corresponding author: Yu.M. Berezkin, BerezkinUM@bgu.ru

FINTECH AS A MEANS OF OVERCOMING SANCTIONS DAMAGE TO RUSSIAN MARKET INSTITUTIONS

ABSTRACT. The study analyzed the damage to the institutions of the Russian market caused by Western sanctions, as well as identified fundamental directions to overcome it using modern financial technologies (FinTech). The term "institution" was per-

© Берёзкин Ю.М., Каницкая Л.В., Файберг Т.В., Щербакова И.Н. 2022

ceived as the normative social "fabric" of social relations, which has been developing historically. Every institution has two obligatory semantic spheres: a) norms of life and activity rooted in public consciousness; and b) their implementation mechanisms (institutions) - specific banks, tax offices, regulatory authorities, etc. It was shown that over the years of market transformations in Russia the mechanisms of exchange institutions were "engraved" into the institutional "fabric" of the West. The institutional structures of distribution system were rebuilt accordingly, and the structures of the production system were closely tied up with the institutions of exchange.

Western sanctions led to the breakdown of Russian institutions of exchange and production: they did not have time to take root in Russian public consciousness in a quarter of a century, and they were "torn out" from the Western institutional "fabric". As a result, there was a threat of shut down of economic life. To mitigate the damage caused by sanctions, the authors proposed to use the opportunities available to modern FinTech: 1) non-monetary co-investment of material resources belonging to different owners in the framework of joint business projects (Shared Investing); 2) building chains of increment of added value in order to maximize the removal of transaction costs of market institutions; 3) the use of cost "machines" Intangible (visualizing the processes of working with value). The study revealed that FinTech can mitigate the damage caused to financial institutions as well as start organizing production on new, more efficient (than traditional) principles.

KEYWORDS. Market institutions and their typology, sanctions damage, financial technologies, digital platforms, transactions.

ARTICLE INFO. Received June 8, 2022; accepted July 29, 2022; available online August 31, 2022.

Суть проблемной ситуации

Несколько последних лет «коллективный Запад» регулярно вводит в отношении России санкции — разного рода запреты и ограничения в ее внешнеэкономической деятельности. В связи с начавшейся специальной военной операцией (СВО) в Украине жесткость очередных санкций постоянно возрастает. А поскольку за последние 30 лет российская экономика очень сильно «вросла» в мировую, начали рваться годами наработанные международные связи. В результате стали валом нарастать трудности в самых разных секторах российской экономики. Правительство России вынуждено реагировать на них: искать схемы обхода наложенных ограничений, выстраивать новые логистические коридоры для экспортных и импортных поставок, вводить собственные ограничения на деятельность недружественных государств.

Прошло еще слишком мало времени, чтобы можно было обоснованно судить об эффективности противодействия России экономическим санкциям Запада. Наверное, какие-то российские контрдействия смогут ослабить или даже частично предотвратить разрушительные последствия западных санкций. Но, как нам представляется, реакции на санкции Запада не смогут быть в целом успешными, если не выделить в явном виде возникающую проблемную ситуацию. Реактивные ответы (типа введения требования оплаты экспортных поставок углеводородов в рублях), вероятно, могут как-то ослабить последствия санкций, но вряд ли смогут им радикально противодействовать. Данное суждение базируется на давно известном постулате: если проблема адекватно не поставлена, то реакции на непосредственно ощущаемые трудности будут «бить» мимо глубинных оснований проблемы, не позволяя не только ее разрешить, но часто даже усугубляя ее последствия.

Методологический и институциональный анализ складывающейся экономической ситуации показывает, что пока ищутся ответы на санкции, фигурально говоря, «не там, где потеряли, а там, где светло». До сих пор ответные экономические действия российской власти были направлены только во вне, и именно по этой причине они не смогут быть достаточно эффективными. С нашей точки зре-

ния, возможности повышения их эффективности лежат главным образом внутри институционального устройства российской рыночной экономики.

Дело в том, что рыночные (экономические, финансовые, правовые) институты за тридцать лет рыночных реформ так и не смогли оформиться сколько-нибудь полно. В них и до начала СВО в Украине зияли значительные «дыры», не позволяющие российской экономике быть достаточно самостоятельной и успешной. Санкции же их стали расширять и углублять скачкообразно, разрывая рыночную «ткань» хозяйственного комплекса России. От того, что делаются попытки санкциям противопоставить свои контрсанкции Западу, разрушающаяся институциональная матрица российской экономики сама по себе не сможет даже восстановиться до состояния на 23 февраля с.г., не говоря уже о ее совершенствовании и доведении до современных мировых стандартов.

Положение с рыночными институтами в России усугубляется еще и тем, что за предыдущее четверть века формирование рыночных институтов осуществлялось в том числе путем прямого заимствования западных институционализированных механизмов экономической и финансовой деятельности и «вживления» их в экономическую деятельность России. А с началом СВО вводимые жесткие санкции эти «импланты» (платежные системы Visa или MasterCard, быстрые платежи SWIFT, банковские кредиты и активы в странах Запада, международные логистические коридоры и др.) попросту «выдергивают», делая рыночную экономику страны все более неинституционализированной и, соответственно, неработоспособной.

Проблемность складывающейся ситуации заключается, прежде всего, в том, что старыми, давно наработанными способами восстановления институциональных механизмов работы российских рынков ее не разрешить — для этого требуются десятилетия спокойной созидательной работы, коих нет в силу очевидных обстоятельств. Зато есть возможности в ускоренном режиме развернуть работу по применению современных финансовых технологий (далее ФинТех), позволяющих восстанавливать потерянные функции рыночных институтов специальными цифровыми платформами [1–3]. По сути, встроить в разрывы институциональных механизмов российской экономики тоже «протезы», но, во-первых, собственные, во-вторых — на современной технологической основе, а в-третьих, избавляясь (полностью или частично) от плохо работающих институций (конкретных банков) с сохранением их функций на специализированных цифровых платформах (Марксов термин *aufheben* — конструктивное снятие). А параллельно устраняя огромные транзакционные издержки, которыми всегда нагружены транзакции современных институтов. В дальнейшем попытаемся прочертить принципиальные контуры этого пути.

Институты: их типы и роль в современной жизни

Институциональный подход в экономической науке берет свое начало с ранних работ К. Маркса [4] и в дальнейшем получает свое развитие в трудах Т. Веблена [5], Дж. Коммонса [6], Р. Коуза [7], Т. Парсонса [8], Ф. Хайека [9], Д. Норта [10], Т. Эггертссона [11], В. Дубровского [12], С. Чернышева [1; 3] и др. К данному подходу и пониманию сути социальных институтов в экономической литературе можно встретить полярные отношения — от почитания его малозначимым [13] до придания ему статуса «всеобъемлющего» [1; 6; 7].

Авторы данной статьи придерживаются второй позиции, согласно которой «институт» — это социальная «ткань» общественных отношений, складывающаяся исторически в ходе коллективной деятельности людей. Элементарной ячейкой этой «ткани» являются так называемые «транзакции», введенные в научный

оборот Дж. Коммонсом [6]. В отличие от упрощенного представления¹, по Коммонсу, «транзакция» — это большая или меньшая совокупность деятельностных процессов, неизбежно (принудительно) сопровождающих любой экономической акт, и обеспечивающих их необходимыми условиями.

Применительно к приведенному в сноске примеру, транзакцией будет не просто «перескок» денежной суммы с одного счета на другой счет, а вся нормативно заданная банковская «машинерия» (с соответствующим необходимым набором действующих банковских служащих) по открытию счетов, контролю за правильностью самой операции и ее законностью, административному контролю со стороны регулятора и внутреннего руководства банка (банков, если счета в разных банках) и т.д. и т.п. Фактически, чтобы любой акт производства или обмена состоялся, должны осуществиться транзакции по обеспечению их условий: сопровождающие их, а также — возникающие по окончании каждого акта — по налогообложению, фиксации перехода прав собственности и др.

Таким образом, любой социальный институт — это нормативно регламентированный набор осуществляемых транзакций, возникающих при любой деятельности. Сама институциональная «суэта» людей — банкиров, страховщиков, юристов, налоговиков, нотариусов, контролеров и др. — не является производящей. Она — вспомогательная относительно любой основной деятельности и лишь обеспечивает условия для других процессов деятельности, а также обслуживает последние и принуждает их акторов к соблюдению определенных институциональных и деятельностных норм.

Дж. Коммонс первоначально выделил три типа институтов: 1) институт (и транзакции) сделки; 2) институт (и транзакции) управления; 3) институт (и транзакции) рационализации (нормирования). Экономисты, приверженцы Экономикса [13], признают существование первого типа институтов, спорят о втором (относится ли он к экономике?) и совсем не приемлют (и не понимают) третий [1, с. 326]. Первый тип институтов понятен традиционному экономисту, поскольку эти транзакции обслуживают акты обмена. Но институциональные отношения обслуживают не только обменные операции, но и управленческую деятельность в экономике — она должна быть законной, облагается налогами, требует профессиональной подготовки и т.д. — весь спектр обеспечивающих, сопровождающих, контролируемых и принуждающих транзакций. Что касается третьего типа, то этот институт обслуживает разные деятельности по нормированию, регламентации, распределению, бюджетированию, наделению правами и т.п. И для этих деятельностей нужно создавать условия их осуществления, их тоже контролировать и т.д.

Дж. Коммонс был одним из самых первых институционалистов. И у него это был только набросок типологии институтов. В дальнейшем ее пытались развивать многие из перечисленных выше (и не только) приверженцев данного подхода. В настоящее время наиболее развитая типология институтов разработана С.Б. Чернышевым [там же, с. 326–327]. Экономические институты он сначала делит на три группы² — 1) институты производства, 2) институты распределения и 3) институты обмена (триада общественных отношений по Марсу). А потом внутри каждой группы выделяет еще по три типа:

¹ Нередко похожий термин «транзакция» употребляют в отношении отдельной финансовой операции, например, транзакцией называют перевод денежной суммы со счета на счет.

² Эти три группы институтов принято метафорически называть «рыночными», поскольку акторы рынка нигде друг с другом непосредственно не взаимодействуют, но только через посредство перечисленных выше институтов. Все они исторически давно сформировались, замкнулись на себя и не подлежат больше расширению. Но в каких-то странах они могут быть в недооформленном или полуразрушенном состоянии. А кроме «рыночных» институтов, есть еще институты государства (например, институт власти) и институты общества (например, институт семьи или религии) — их мы здесь касаться не будем.

– в 1 группе — институты (и трансакции) *суверенитета* (прикрепление к территории и идентичности), *потребностей* (регламентируют наборы допустимых в стране потребительских благ) и *способностей* (регламентируют стандарты квалификации и качества средств деятельности);

– во 2 группе — институты (и трансакции) *ответственности* (кто за что отвечает), *полномочий* (кто какие полномочия имеет) и *обязанности* (приводит в действие законы, предписывающие, кто что принудительно обязан делать, например, платить налоги и др.);

– в 3 группе — институты (и трансакции) *права* (регистрация и удостоверения прав), *денег* (обеспечивает средством обмена — деньгами) и *капитала или банкинга* («размножает» деньги с помощью механизмов кредитования под залог)³.

Несмотря на то, что институциональная деятельность людей носит вспомогательный, непроизводительный характер, трансакции не являются бесплатными. Затраты на их осуществление, а также — на содержание служащих институциональных структур, в конце концов перекладываются на создаваемый в стране валовой продукт. Р. Коуз их назвал «трансакционными издержками» [7]. Чем сложнее создаваемая продукция, тем они более обременительны, достигая 70–90 % от стоимости продукта [14]. И современное общество вынуждено нести такие гигантские трансакционные издержки, иначе работа институтов «сломается» и производящая деятельность тоже остановится.

Говоря выше о всеобъемлющем характере институтов в современном обществе, мы имели в виду два момента: во-первых, институты и их регламентирующие нормы пронизывают буквально все общественные отношения людей; они задают устойчивость общества. Во-вторых, институт — это не учреждение, которое можно «учредить росчерком пера». Институты должны быть укоренены в общественное сознание и деятельность культуру людей [1; 12; 15; 16]. Именно поэтому неправильно, с нашей точки зрения, думать, что «люди движут институтами». Наоборот — люди вместе с конкретными институционализированными учреждениями встроены в институты и являются лишь их агентами (своего рода, «реализаторами»). Если институты по каким-то причинам ломаются (даже при сохранении их реализующих учреждений), общество начинает разваливаться, а производство останавливаться.

Докризисное состояние матрицы институтов рынка России

Принципиальный тезис, на котором базируется дальнейшее рассмотрение обозначенной темы, состоит в следующем. Вышеназванные три группы институтов рынка складывались исторически, как бы, надстраиваясь друг над другом. Эта идея в неявном виде впервые была сформулирована К. Марксом в «Немецкой идеологии» [4]. Там он, рассматривая исторические формы развития отношений собственности, по сути, выделил девять институциональных «этажей», следующих друг за другом формаций исторического развития способов производства [17, с. 21; 18, с. 394].

Исторически самые древние институты — институты первой группы — производства: *суверенитета, потребностей и способностей*. Они (по Марксу) последовательно складывались на стадиях формирования «архаического», «первично-коллективного» и «родового» способов производства. И эти институты наиболее укоренены в культурах разных народов до сих пор. По мере исторического перехода к «первобытнообщинному», затем — к «азиатскому» и «рабовладельческому» способам, складывались институты второй группы — распределения: *ответствен-*

³ Употребляя данные термины для названия институтов, автор подчеркивает [1, с. 326], что они все пока очень условны и со временем могут уточняться и корректироваться.

ности, полномочий и обязанностей. У этих институтов тоже тысячелетняя история за «спиной» и тоже очень глубокая укорененность в культурах разных народов.

Наконец, третья группа институтов обмена — институты *права, денег и капитала* — наиболее молодая по историческим меркам. Она складывалась уже в годы достаточно обозримой (с точки зрения сегодняшнего дня) истории — при последовательном формировании сначала «феодалного», затем «абсолютистского», а затем и «капиталистического» способов производства. Нормы этих институтов в существенно меньшей степени смогли укорениться в культуре разных народов. А у ряда народов Африки, Азии и Латинской Америки они так и не успели сложиться. Не сформировались они должным образом и в царской России. Это позволило большевикам, начиная с 1917 г., за несколько лет их «зачатки» практически уничтожить и, по сути, исторически сделать «шаг назад» — к распределительным формам организации общества, получившим название «социалистические».

Переходя теперь к современной России, следует констатировать, что в начале 90-х гг. прошлого века была сделана отчаянная попытка (по словам М. Мамардашвили) «вернуться в Историю». Для этого надо было в короткий период «открывшегося окна возможностей» (Е. Гайдар) как-то восстановить, а желательно — и выстроить в новых формах то, что порушила социалистическая революция 1917 г. Времени катастрофически не хватало и «рыночные реформаторы» поступили по-простому: они выделяли (часто с помощью американских советников) конкретные институциональные механизмы, обеспечивающие осуществление тех или иных функций институтов рынка, учреждали соответствующие «конторы» (ведомства и организации) и законодательно запускали их в работу. Беда тут состояла в том, что институционального укоренения в общественном сознании россиян не происходило, да и не могло произойти за столь короткий (по историческим меркам) период в четверть века. По сути, была сделана немыслимая ранее попытка встроиться в институциональную «ткань» западного общества. И мы в следующем разделе статьи покажем, что произошло (говоря метафорически) «генетическое отторжение» институциональных оснований учрежденных реформаторами механизмов права, денег и капитала (но об этом — чуть позже).

Теперь вкратце коснемся конкретных институциональных «имплантов», которые российские реформаторы в 1990-е — начале 2000-х гг. «вживляли» в хозяйственный комплекс страны, чтобы превратить его в «рыночную экономику».

Что конкретно было сделано? Переписали и в 1993 г. законодательно приняли Конституцию РФ, в которой было запрещена всякая идеология, зафиксирован приоритет международного законодательства над российским и повторена часть западных норм по демократическому устройству России. Годом ранее Россия вступила в МВФ и Всемирный банк, а также присоединилась к «Вашингтонскому консенсусу» [19, с. 50]. В соответствии с 10 принципами Дж. Уильямсона (автора текста «Вашингтонского консенсуса», 1989 г.) осуществили так называемую «шоковую терапию» оставшейся от СССР российской части бывшего народного хозяйства: провели ускоренную бесконтрольную ваучерную приватизацию государственных предприятий; привязали эмиссию рубля к валютной выручке от продажи экспортных товаров; учредили Московскую межбанковскую валютную биржу (ММВБ) и запустили в работу частично регулируемый плавающий курс рубля к доллару; объявили рынок саморегулируемым и ввели запрет на регулярную государственную поддержку хозяйствующих субъектов; максимально либерализовали движение капиталов и финансов [там же].

К чему это привело? В СССР не существовало *института капитала* по понятным причинам: на его уничтожение и была направлена, прежде всего, революция 1917 г. Соответственно, не имея самого верхнего институционального «этажа» — *капитала* — большевики не могли сформировать и собственный *институт денег*. Из-

вестно, что советский рубль, введенный в обращение с 1929 г. («года Великого перелома», по словам И. Сталина) нигде в мире обоснованно не признавался за полноценные деньги, ибо львиная доля самых ценных благ, обращающихся на рынках мира, была изначально выведена за границы рублевого оборота. В его ареале были только так называемые «товары народного потребления» (и то — не все). Это было, по сути, усовершенствованной формой распределительных карточек [16].

В новой России (после отмены советского рубля и привязки российского рубля к доллару экспортной выручки) собственного *института денег* тоже не появилось. Как точно, на наш взгляд, выразился В. Катасонов, ЦБ РФ стал выполнять функции «обменного пункта по перекрашиванию долларов в рубли»⁴. И введение в оборот российского суррогата денег сразу же вызвало катастрофу — инфляция 1992 г. достигла невиданного уровня — 2 508,85 %⁵. А это почти мгновенно привело к обнищанию абсолютного большинства жителей России, уничтожив все прежние накопления бывших советских людей. Одновременно возникла очень узкая прослойка супербогатой части населения России, завладевшей бывшими госпредприятиями. В таких шоковых условиях и формирование российского *института права* тоже оказалось под вопросом. То, что потом произошло с компанией «Юкос», с телеканалом НТВ и многочисленными другими (казалось бы, уже находящимися в «неприкосновенной» частной собственности) активами, это многократно подтвердило.

Отмена государственной поддержки оказавшихся в труднейших экономических условиях отдельных людей и целых больших коллективов привело к слому и институтам распределения, игравших главенствующую роль в социалистической системе хозяйства (которое и строилось изначально на распределительных принципах). Более того, распределительные *институты полномочий и ответственности*, которые в советской институциональной матрице играли значительную роль, были сильно подорваны и ослаблены выстраиваемой администрацией президента В.В. Путина так называемой «вертикали власти». Эта «вертикаль власти», по сути, поставила под вопрос конституционное положение о федеративном устройстве России [20].

Введение свободного нерегулируемого рынка привело к тому, что стали рушиться самые древние и ранее очень устойчивые институты производства. Многие бывшие советские предприятия почти сразу разорились, не выдержав конкуренцию с западными аналогами, прежде всего, по стандартам качества выпускаемой и потребляемой продукции — это впрямую ломало *институт потребностей*, который был укоренен в СССР. А появившаяся возможность закупать современные технологии на Западе (потом и в Китае), быстро разрушила советский *институт способностей*, не создав условий для становления собственного.

Итак, как же можно себе представить институциональную матрицу, которая сложилась в России к 2014 г. (году, с которого стали вводиться западные санкции)? Реализационные механизмы институтов обмена — низовая банковская система, ЦБ (эмитирующей рублевую массу) и правоохранительные учреждения — работали к тому времени уже достаточно устойчиво. Между тем, они все «питались» институциональной «энергией» Запада. Собственной, укорененной в культуре российского народа, институциональной «ткани» неросло. Да и не могло нарасти за не очень гладко прошедшие четверть века с начала рыночных преобразований. И это, на наш взгляд, таило «мину замедленного действия».

⁴ Миром правит тот, кто печатает деньги // Православие.RU. URL: <https://pravoslavie.ru/73786.html>.

⁵ Инфляция в России в 1992 году. // СтатБюро. URL: <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&ved=2ahUKewi3u5qUw5X4AhVwhosKHbLxBEsQFnoECAUQA-Q&url=https%3A%2F%2Fwww.statbureau.org%2Fru%2Frussia%2Finflation%2F1992&usg=AOvVaw0oMjyfINEL KyahohBISUr>.

Собственная институциональная «ткань» институтов распределения досталась России в наследство от Советского Союза. Но за годы реформ распределительные механизмы непрерывно менялись, подгоняясь под формируемую «вертикаль власти». В результате и «ткань» соответствующих институтов истончалась и рвалась, что опять же, рано или поздно, могло привести к разрушительным процессам.

Наконец, институты производства за годы реформ оказались практически размытыми (кроме фундамента — *института суверенитета*), а их функции были замкнуты на институты обмена: как говорил. Гайдар, «кому нужны ваши станки? Понадобятся — мы все за рубежом купим»⁶.

По сути дела, классическая институциональная «пирамида» (где институты производства должны, фигурально выражаясь, быть самыми мощными; институты распределения быть менее обширными, а институты обмена — наиболее узкими по охвату общественных отношений) за годы реформ перевернулась: самыми «разбухшими» стали механизмы обмена, но при этом они оказались сильно «привязанными» к нормативной «ткани» западных институтов; институты распределения истончились, а институты производства (вместе с их реализационными механизмами) стали выглядеть полуразрушенными. Остался, правда, в неприкосновенности *институт суверенитета* страны, но, после введения санкций, и он очень сильно «возбуждился».

Если задаться вопросом о причинах такой деформации институциональной матрицы, то ответ, как нам представляется, следует искать в особенностях проводимой в России с 1992 г. политики «Вашингтонского консенсуса». На очень значимый аспект этой политики указывают О. Ананьин с коллегами в [21], приводя слова автора «Вашингтонского консенсуса» Дж. Уильямсона. Последний, отвечая на жесткую критику (в том числе, со стороны группы известных экономистов-Нобелевских лауреатов) негативных результатов политики «Вашингтонского консенсуса» в ряде стран «третьего мира»⁷, вынужден был сказать, что она «игнорировала институциональные реформы» [там же, с. 20].

К сожалению, вся эта дискуссия, проходившая на Западе в середине 1990-х гг., приведшая к дискредитации бренда «Вашингтонский консенсус» и последующей повсеместной отмене данного курса, не коснулся Российской экономики вплоть до введения западных санкций. В результате «покоренная» матрица российских институтов рынка оказалась абсолютно не готовой к санкционному давлению такого масштаба, который последовал с 2022 г.

Санкционный ущерб институтам рынка России

Санкционный режим «коллективного Запада» в отношении России был введен сразу после присоединения Крыма в марте 2014 г. Однако эти санкции носили преимущественно персоналистский характер. Что касается влияния первых пакетов санкций на российские институционализированные структуры, то оно сначала было в целом не очень жестким. Первым делом были введены ограничения на выдачу западными банками кредитов российским компаниям **только** нефтегазового сектора: кредитование разрешалось, но на срок не более 90 дней (см. табл.).

⁶ «Да кому нужны ваши станки?! Понадобятся — купим». Слова Гайдара в 91-ом аукнулись спустя 29 лет. URL: <https://zen.yandex.ru/media/war/da-komu-nujny-vashi-stanki-ponadobiatsia-kupim-slova-gaidara-v-91om-auknulis-spustia-29-let-5f8f62816dc8f92eda19580f>.

⁷ Аргентина, с которой началось «победное» шествие политики «Вашингтонского консенсуса», в начале 1990-х продемонстрировала хорошие показатели роста своей экономики. Но в 1994 г. разразился колоссальной силы кризис в Мексике, затем то же самое последовало (начиная с 1997 г.) в ряде стран Азии (кроме Китая и Индии, которые данную политику не приняли) и Восточной Европы, включая Россию (1998 г.). И, наконец, все закончилось мощнейшим кризисом в той же Аргентине, после чего «Вашингтонский консенсус» окончательно себя дискредитировал [21].

Эти санкции ударили прежде всего по российскому *институту капитала*, практически отрезав нефтегазовый сектор от мирового рынка⁸. Институциональные структуры, обслуживающие работу предприятий других секторов российской экономики от первых пакетов санкций почти не пострадали — западные кредиты продолжали быть доступными.

Существенно болезненней оказался полный запрет на поставку новых технологий и специализированного программного обеспечения в нефтегазовый сектор и предприятиям военно-промышленного комплекса, а также запрет на совместные работы по освоению арктического шельфа. Здесь удар пришелся по *институту способностей* группы институтов производства.

Судя по неоднократным предупреждениям разными представителями властной элиты Запада (еще до начала до начала СВО), что Россия в ближайшее время столкнется с «беспрецедентными экономическими трудностями», новые пакеты жестких санкций готовились заранее и стали вводиться практически сразу после 24 февраля 2022 г.

Сама СВО, которую не удалось завершить в первоначально планируемые сроки, поставила под вопрос устойчивость даже фундамент институциональной матрицы России — *институт суверенитета*.

Влияние санкций на институты рынка России

	Санкции	Влияние	Ссылки
Институт капитала	Август 2015 г. Запрещено к ввозу критически важное оборудование, технологии и ПО, запрет давать кредиты нефтегазовому сектору более чем на 90 дней	Осложнение рефинансирования долгов, поскольку они в валюте	https://cyberleninka.ru/article/n/osvoenie-arkticheskogo-shelfa-v-usloviyah-sanktsiy
	Сервис Dow Jones прекратил поставлять данные о санкциях российским банкам	Увеличение рисков попадания банков под вторичные санкции	https://www.bfm.ru/news/501621
	На 05.05.2022 г. под санкции попали более 20 банков, под самые жесткие санкции — Сбербанк, ВТБ, Альфа-Банк, Промсвязьбанк, «Открытие», Совкомбанк, Новикомбанк, Транскапиталбанк, Инвестторгбанк, Дальневосточный банк	Это около 80 % активов российской банковской системы	https://www.banki.ru/news/daytheme/?id=10965728
	3 июня введен 6-й пакет санкций Европейского союза. Сбербанк, МКБ, Россельхозбанк отключили от международной системы SWIFT. Под санкциями депозитарий НРД. Сумма активов, находящихся на хранении в НРД, составляет около 69,5 трлн р. Эти санкции фактически толкают Россию к техническому дефолту	Санкции на НРД в блокируют операции по всем бумагам европейских держателей. Резко (в разы) стали падать котировки российских акций на Лондонской бирже и NYSE	https://www.bfm.ru/news/501497 https://www.interfax.ru/business/825415 https://frankrg.com/72736

⁸ Китайские кредиты тоже были практически недоступны из-за высоких кредитных ставок, доходивших до 9 % годовых. Нефтегазовым компаниям пришлось переключиться на кредиты из федерального бюджета России. Так, только предприятиям «Роснефти» было до 2020 г. выделено кредитов на общую сумму порядка 8 трлн р.

Продолжение табл.

	Санкции	Влияние	Ссылки
	Запрет на страхование морских перевозок российской нефти, запрет на вход танкеров с российской нефтью в западные порты	Запрет лишит доступа на рынок страхования Lloyd's of London — крупнейшего для морских перевозок. Bloomberg: потери России составят около 22 млрд долл. США в год	https://neftegaz.ru/news/Suda-i-sudostroenie/739309-eksperty-otsenili-perspektivy-rossiyskogo-flota-i-svyazannymi-s-nimi-trudnosti-razvitiya-arkticheski/
Институт денег	США запретили России обслуживать свой внешний госдолг	России в конце июня с.г. грозит технический дефолт, который сильно затруднит любые международные экономические отношения	РБК. — 24.05.2022 https://www.rbc.ru/economics/24/05/2022/628cee-b29a7947616ea15be4
	Наиболее серьезными (помимо отключения от СВИФТ) считаются блокирующие санкции. Под них в США попадают банки, включенные в SDN-список. С ними, а также со всеми структурами, в которых они владеют более чем 50 %, запрещено иметь дело американским физлицам и компаниям. Все активы банков и структур, где им принадлежит контроль, должны быть заблокированы. Под блокирующие санкции попали девять кредитных организаций: Альфа-Банк, ВЭБ, ВТБ, МКБ, Новикомбанк, «Открытие», Промсвязьбанк, Сбербанк, Совкомбанк	На начало с.г. общая величина таких активов была равна около 200 млрд долл.: наличная валюта — 13,5 млрд долл.; текущие счета и депозиты в иностранных банках — 41,6 млрд долл.; займы нерезидентам — 85,1 млрд долл. Это более 80 % банковских активов России (они составляют 1,4 трлн долл.)	https://reosh.ru/valentin-katsonov-sankcii-protiv-rossijskix-bankov-esh-hyo-odna-volna-ekspropriacii.html
	Заморозка валютных резервов РФ на сумму, эквивалентную более 300 млрд долл.	Активы ЦБ РФ сократились на 15,74 трлн р., или на 23,5 %	https://reosh.ru/valentin-katsonov-chno-proisxodit-s-bankom-rossii.html
	Отключены платежные системы Visa и Mastercard за рубежом. Нельзя пользоваться системами Apple Pay, Samsung Pay и Google Pay. Валютные переводы за рубеж будут недоступны. Переводы денежных средств через системы Western Union и «Золотая Корона» проводить не будут	Россия оказалась отрезанной от зарубежных денежных рынков	https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2022/02/25/911022-sanktsii-protiv-bankov

Продолжение табл.

	Санкции	Влияние	Ссылки
Институт права	Отказ в продолжении лизинга Боингов и Аэробусов российских авиакомпаний, угроза ареста самолетов в иностранных портах (всего в эксплуатации 980 авиалайнеров, из них 777, или 55 % — в лизинге)	Ломаются все юридические правила рыночных отношений, принцип незыблемости частной собственности уничтожен	https://pravo.ru/story/239494/ https://www.kommersant.ru/doc/5236969
	На 22.03.22 г. Италия заморозила активы российских олигархов на сумму около 800 млн евро, Нидерланды — около 392 млн евро активов, Польша заморозила на счетах своих банков около 33 млн долларов, Швейцария — 5,75 млрд швейцарских франков, Чехия заморозила имущество россиян на сотни миллионов крон. В Люксембурге заморозили российские активы на 2,5 млрд евро. ФРГ заморозила всего 95,5 млн евро на банковских счетах физических и юридических лиц из России. Заморозки начались и в офшорах: Джерси заморозили 259,3 млн фунтов стерлингов, ЕС заморозил активы российских граждан на сумму в 30 млрд евро, включая вертолеты, яхты и дома; Каймановы острова — 7,3 млрд долл.	Частная собственность отменена	https://reosh.ru/valentin-katasonov-sankcii-protiv-rossijskix-bankov-eshhyo-odnavolna-ekspropriacij.html
Институт способностей	Запрет на поставку российским перевозчикам самолетов запчастей к ним, а также на страхование и техническое обслуживание. В срок до 28 марта с.г. зарубежные лизинговые компании должны были забрать у эксплуатантов из России принадлежащие им воздушные суда	Грозит паралич всей гражданской авиации России	https://www.aex.ru/fdocs/1/2022/3/3/32798/
	Евросоюз, Канада и Великобритания ввели запрет на полеты российских самолетов над их территорией. Запрет касается всех самолетов, в том числе частных	Международная логистика сломана	https://www.rbc.ru/business/28/02/2022/621a20109a79471f8295dade#chapter_3
	В 2022 г. более 500 иностранных компаний решили приостановить деятельность или вовсе уйти из России: Нефть, газ, энергетика (BP, Shell, Equinor, TotalEnergies,		

Продолжение табл.

	Санкции	Влияние	Ссылки
	ExxonMobil, Fortum, BASF, Kinross Gold, KONE, Komatsu, OMV, General Electric, Sandvik, Alcoa, UPM, Alstom, Caterpillar, Rio Tinto, Eni, Tadano, Henkel). Связь, технологии (OneWeb, Cisco, Cogent, Lumen, SAP, Oracle, Sabre, Microsoft, Autodesk, Adobe, EPAM Systems, VMware, Depositphotos, VistaCreate, Figma, TeamViewe, Siemens, TSMC). Бытовая техника электроника (Apple, AMD, Nokia, Dell, Intel, Siemens, Ericsson, HP, Ericsson, Panasonic, TSMC, Hitachi, Canon, IBM, Epson). Самолеты (Rolls-Royce, Boeing, Airbus, Dassault Aviation, AerCap). Автомобили (Volkswagen Audi, Skoda, Volkswagen, Bentley, Lamborghini и Ducati, Harley-Davidson, Porsche, Jaguar Land Rover, General Motors, Daimler Truck, BMW, Volvo, Ford, Scania, Honda, Mazda, Hyundai, Seat, Lamborghini, Mercedes-Benz, Toyota, Lexus, MAN, Nissan)	Около 5 000 торговых марок и проектов станут недоступны	https://www.b-kontur.ru/enquiry/25054-spisok_kompanij_brendov_i_bankov_ush-edshix_iz_rossii#:~:text=%D0%9D%D0%BE%20%D0%B2%D1%81%D0%B5%20%D0%B6%D0%B5%20%D0%B8%D0%B7%20%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%8B.%2C%20Moet%2C%20Chanel%20%D0%B8%20Cartier
	До конца года безработица может сохраняться на уровне 5,2 %, т.е. лишиться работы могут более 600 000 чел., посчитал Forbes	Существенное падение доходов населения	https://www.forbes.ru/biznes/458763-vyzovut-li-sankcii-i-uhod-zapadnyh-kompanij-bezroboticu-v-rossii
	Япония запретит экспорт в Россию высокотехнологичного оборудования, в том числе поставки 3D-принтеров, квантовых компьютеров, микроскопов и другой сложной продукции. США заявили, что вводят строгий экспортный контроль определенных товаров, производимые за границей с использованием американского софта и оборудования и направляемые в Россию, включая полупроводники, компьютеры, телекоммуникационное оборудование, лазеры, сенсоры, компоненты для самолетов и морское оборудование	Грозит остановкой многих производств. Грозит остановкой многих производств, включая предприятия ВПК	https://www.forbes.ru/tehnologii/465409-aponia-s-20-maa-zapretit-postavlat-v-rossiu-oborudovanie-vysokih-tehnologii https://www.forbes.ru/tehnologii/457123-bez-cipov-i-provodnikov-kak-tehnologiceskie-sankcii-otrazatsa-na-kompaniah-rossii
	Крупнейший мировой производитель полупроводников — тайваньская TSMC отказался от сотрудничества		

Продолжение табл.

	Санкции	Влияние	Ссылки
	с российскими разработчиками по требованию США. Под удар попали «Байкал Электроникс», НТЦ «Модуль», МЦСТ и производители чипов	Грозит остановкой производств высокотехнологической продукции, включая современные вооружения	https://www.interfax.ru/digital/824627
Институт потребностей	<p>В области вычислительной техники, более 80% рынка принадлежат иностранным производителям. Не ушли пока только корейцы и китайцы.</p> <p>Топ-10 фармацевтических компаний в январе 2022 г. занимали 33,6% объема продаж лекарственных препаратов. На первой строчке рейтинга единственная российская компания «Отисифарм» (доля 5,3% в рублях). Импортных субстанций хватает на два месяца, да и то лишь крупным фармкомпаниям.</p> <p>На рынке косметических средств преобладает импорт — примерно 70% продукции. На долю тройки лидеров — Procter & Gamble, L'Oréal, Unilever Group — приходится около 30% рынка. Большинство уходит.</p> <p>Одежда: о своем уходе уже заявил Inditex (Zara, Bershka, Pull & Bear, Oysho, Massimo Dutti) и H&M. Магазины Victoria's Secret также временно приостанавливают работу в России. О приостановке деятельности в России заявил Adidas и Ecco.</p> <p>Питание: Американская PepsiCo (это не только Pepsi, но и «Агуша», «Кубанская бурёнка», «Домик в деревне», «Веселый молочник», «Любимый», J7, «Фруктовый сад», «Мажитель», 7Up, Lays, Cheetos, «Хрустяк», Lipton), Сети общепита – McDonald's, KFC, Pizza Hut, Starbucks — также объявили о закрытии всех ресторанов в России.</p> <p>Товары для дома: OBI, принадлежащая немецкой OBI GmbH & Co. Deutschland KG заявила об уходе. Также ушла с российского рынка и шведская ИКЕА.</p>	Структура потребления, особенно в крупных городах, может существенно измениться (упроститься)	https://incrossia.ru/understand/brands-are-leaving/

Что касается группы институтов обмена — *капитала, денег и права* (т.е. то, что в основном только и выстраивалось в РФ четверть века), в считанные месяцы они были практически полностью разрушены: западные *институты капитала и денег*, питавшие российскую банковскую систему и крупные российские компании, были «отрезаны» от рынков России. Потеряны были около половины валютных резервов РФ и парализованы до 80 % активов ее банковских активов (см. табл.).

Институт права был практически дезавуирован: гигантские объемы зарубежной российской собственности арестованы или заморожены. Поскольку деятельностные структуры, обслуживаемые группой институтов производства, были очень сильно завязаны на западные институты обмена (а последние «сломались»), они оказались в тяжелейшем положении: транзакции *института способностей* производить высокотехнологичную продукцию почти прекратились, грозя остановкой многих крупных производств. Из-за ухода из России сотен известных мировых брендов резко подскочила безработица, стремительно стали расти цены на широкий спектр товаров, а доходы населения (особенно в крупных городах) падать. Поставлены перед необходимостью пересмотра устоявшиеся за последние десятилетия нормы *института потребностей*, диктующие населению, что и какого качества продукцию и услуги потреблять.

И встал во весь рост огромный вопрос: что в ситуации разрушающейся матрицы российских институтов делать? Ибо общество не может сколько-нибудь долго существовать в неинституционализированном состоянии — распад неизбежен.

Возможности ФинТеха в преодолении санкционного ущерба

Экономические потери, принесенные западными санкциями России, в денежном выражении сколько-нибудь точно оценить пока вряд ли возможно — слишком мал еще период действия санкций, последствия от которых скажутся месяцы и годы спустя. Но это и не является предметом данной статьи. Существенно более значимый (чем выражаемый в деньгах) ущерб был нанесен введенными санкциями институциональному устройству российской рыночной экономики. Он поставил под вопрос само существование рынка в России, ибо широко используемый метафорический термин «рынок» означает ни что иное, как «совокупность институтов обмена», надстроенных над институциональными структурами распределения и производства [1; 3].

Верхняя институциональная надстройка (*институты капитала, денег и права*) фактически и обеспечивает работу ниже лежащих структур «рыночным», или капиталистическим, способом. Если ее нет (как ее не было в СССР), то и рынка нет: советская система хозяйства регулировалась распределительными механизмами. Но, если она в России худо-бедно работала 25 лет (будучи «приращенной» к западным институциональным «корням»), а потом буквально за несколько месяцев была «оторвана» западными санкциями от «материнских» институтов, то рыночные отношения неизбежно ломаются. И в этих условиях нужно срочно вводить в действие какие-то компенсационные механизмы. Или все в хозяйстве страны очень скоро просто остановится (с соответствующими катастрофическими последствиями).

Вернуться к социалистическим формам тоже уже нельзя — прежние распределительные механизмы давно сломаны, а ныне существующие сознательно и долго «подстраивались» под институты обмена, приказавшие долго жить.

И возникает проблемный вопрос: чем можно заместить в России функции институтов обмена? Учредить роцчерком властного пера отсутствующие институты невозможно (об этом уже говорилось выше), а исторического времени на их выраживание тоже нет. Но зато с 2008 г. на Западе и в Китае (а с 2015 г. — и в России

[1; 3]) стали разрабатываться и практически использоваться новые финансовые технологии (ФинТех)⁹, позволяющие относительно быстро встроить компенсационные механизмы (своего рода «протезы») в разрушенные институты рынка России. Что здесь имеется в виду?

Понятие «ФинТех» стягивает на себя три группы смыслов [18, с. 391–392]: 1) вместо денежных инвестиций добровольное соинвестирование материальных ресурсов, принадлежащих разным собственникам, в рамках совместных предпринимательских проектов (в англоязычной литературе это явление получило название Shared Investing); 2) выстраивание цепочек приращения добавленной стоимости таким образом, чтобы максимально снимались транзакционные издержки; 3) переход к третьему¹⁰ технологическому уровню — использованию «машин» Intangible, визуализирующих процессы создания стоимости, превращения стоимости в разные ее формы, накопления стоимости и ее передачу по назначению [3, с. 260].

Казалось бы, как таким образом понимаемый ФинТех может помочь преодолеть (или хотя бы ослабить) ущерб, нанесенный санкциями институтам рынка России? Тут есть, с нашей точки зрения, по крайней мере, три принципиальных возможности: ФинТех, во-первых, способен компенсировать функции института капитала; во-вторых, он позволяет преодолеть существенные потери института денег; в-третьих, он может способствовать восстановлению института производства, причем работающего уже на новых принципах инвестирования Shared Investing. Поясним, что тут имеется в виду.

Давно известно (по Марксу), что капитал — это самовозрастающая стоимость. В условиях развитого капитализма «рафинированной» формой капитала служит банковский капитал, который обеспечивает себе самовозрастание за счет институционализированных процессов кредитования под залог. Эти транзакции и призваны обслуживать современный институт капитала. На протяжении почти всех предсанкционных лет российская экономика была, по сути, «подключена» к *институту капитала* Запада — дешевые кредитные деньги, регулярно получаемые в западных банках, позволяли без особых проблем их наращивать в России. На них же на Западе покупались новейшие технологии и комплектующие для работы структур *института способностей* (группы институтов производства) и производить современную продукцию в ряде секторов экономики России.

ФинТех позволяет возникшую проблему (пусть и частично) решать за счет выстраивания оптимальных цепочек приростов добавленной стоимости (роста капитала), не только без использования денег, заимствованных на Западе, но практически без денег вообще. «Принцип добровольного доступа» (Access) к материальным активам разных собственников, зафиксированным в распределенных реестрах (Blockchain) специальных цифровых платформ (Digital Platforms), позволяет обеспечивать рост капитала в разы быстрее, чем традиционными способами. И Китай, как никто другой, это демонстрирует уже второе десятилетие [1; 3; 15].

Как уже говорилось выше, российские структуры ЦБ и банковской системы РФ тоже были «вживлены» в западный *институт денег*. Санкционный отрыв этой «пуговины» (о чем говорилось в предыдущем разделе) поставил российскую банковскую систему почти на грань коллапса: инвестиции практически закончи-

⁹ Этот термин часто и не очень осмысленно в литературе подменяется метафорой «цифровая экономика». Нам приходилось уже писать об этой словесной путанице [18, с. 391]: ФинТех с «цифрой», конечно, связан, но это уже новый ее уровень, практически не имеющий отношения, в частности, к «Программе развития цифровой экономики до 2030 года», принятой Правительством РФ в 2017 г. (Распоряжение от 28 июля 2017 г. № 1632-р).

¹⁰ Исторически первым уровнем были энергетические машины (вырабатывающие энергию, ее преобразующие, накапливающие и передающие разным пользователям), вторым — информационные машины (компьютеры), делающие те же четыре операции, но с информацией [14; 3].

лись! Конечно, собственный *институт денег* необходимо выращивать. Но это — долгий процесс. Гораздо быстрее можно на базе ФинТеха локально использовать цифровые суррогаты денег (внутрипроектные криптоинструменты — токены) в целях осуществления взаиморасчетов между участниками проектов соинвестирования материальными активами. В эти же процессы может быть достаточно легко встроена и цифровой рубль, который ЦБ РФ уже давно разрабатывает и тестирует.

Технические возможности для практического осуществления данной работы уже достаточно давно имеются. Дело, на наш взгляд, только за политической волей российской власти. Затягивание этих работ (тем паче — отказ от них) неизбежно будет грозить сломом уже *института суверенитета* страны.

Таким образом, в статье было продемонстрировано устройство институтов рынка России до введения западных санкций, было достаточно детально показано негативное влияние санкций на матрицу рыночных институтов страны и предложены принципиальные направления преодоления ущерба от санкций за счет развертывания работ по практическому применению новейших финансовых технологий (ФинТех).

Список использованной литературы

1. Чернышев С.Б. Иное. Письма о техноэкономике / С.Б. Чернышев. — Москва : МИСиС, 2020. — 408 с.
2. Sukhodolov A.P. From the Institutional to the Platform Economy / A.P. Sukhodolov, Yu.M. Beryozkin. — DOI 10.29141/2218-5003-2018-9-3-2. — EDN [YNGOTZ](#) // The Manager. — 2018. — Vol. 9, no. 3. — P. 8–13.
3. Чернышев С.Б. Техноэкономика. Кому и зачем нужен блокчейн / С.Б. Чернышев. — Москва : Полит. энцикл., 2018. — 391 с.
4. Маркс К. Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения : в 50 т.- 2-е изд. — Москва : Госполитиздат, 1955. — Т. 3. — С. 7–544.
5. Веблен Т. Теория праздного класса: экономическое исследование институций / Т. Веблен. — Москва : Прогресс, 1984. — 367 с.
6. Commons J.R. Institutional Economics / J.R. Commons // American Economic Review. — 1931. — № 21. — P. 648–657.
7. Коуз Р. Природа фирмы / Р. Коуз // Фирма, рынок и право. — Москва : Новое издво, 2007. — С. 36–57.
8. Parsons T. Prolegomena to a Theory of Social Institutions / T. Parsons // American Sociological Review. — 1990. — Vol. 55, no. 3. — P. 319–333.
9. Хайек Ф. Пагубная самоуверенность. Ошибки социализма / Ф. Хайек. — Москва : Новости, 1992. — 303 с.
10. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт. — Москва : Высш. шк. экономики, 2010. — 256 с.
11. Эггертсон Т. Экономическое поведение и институты : пер. с англ. / Т. Эггертсон. — Москва : Дело, 2001. — 408 с.
12. Дубровский В.Я. Сферы деятельности и институты / В.Я. Дубровский // Summa Methodologicae. — 2018. — Vol. 1. — P. 79–110.
13. Макконнел К.Р. Экономикс: принципы, проблемы и политика : в 2 т. / К.Р. Макконнел, С.Л. Брю. — Москва : Республика, 1992. — Т. 1. — 399 с.
14. Сото Э. де. Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире / Э. де Сото. — Москва : Олимп-Бизнес, 2004. — 272 с.
15. Берёзкин Ю.М. Институциональные проблемы проектного финансирования с позиций деятельного подхода / Ю.М. Берёзкин. — DOI 10.17150/2500-2759.2022.32(1).57-66. — EDN [TCUDIK](#) // Известия Байкальского государственного университета. — 2022. — Т. 32, № 1. — С. 57–66.
16. Попов С.В. Организация хозяйства в России / С.В. Попов. — Омск : Курьер, 1999. — 288 с.
17. Платонов С. После коммунизма / С. Платонов. — Москва : Молодая гвардия, 1989. — 256 с.

18. Берёзкин Ю.М. Ранний Маркс и современный «финтех» / Ю.М. Берёзкин. — DOI 10.18334/се.13.2.39881. — EDN [PPYDXT](#) // Креативная экономика. — 2019. — Т. 13, № 2. — С. 389–406.

19. Бабурина О.Н. Санкции и внешнеэкономическая стратегия России сквозь призму Вашингтонского и Пекинского консенсуса / О.Н. Бабурина. — EDN [TWDDVL](#) // Национальные интересы: Приоритеты и безопасность. — 2015. — Т. 11, № 23. — С. 48–58.

20. Воробьёва М. Федерализм и «вертикаль» власти в современной России / М. Воробьёва. — EDN [KAQZNY](#) // Власть. — 2008. — № 6. — С. 48–52.

21. Ананьин О. Вашингтонский консенсус: пейзаж после битвы / О. Ананьин, Р. Хаиткулов, Д. Шестаков. — EDN [NXUMSD](#) // Мировая экономика и международные отношения. — 2010. — № 12. — С. 15–27.

References

1. Chernyhev S.B. *Other. Letters on Technoeconomics*. Moscow, MISiS Publ., 2020. 408 p.
2. Sukhodolov A.P., Beryozkin Yu.M. From the Institutional to the Platform Economy. *The Manager*. 2018, vol. 9, no. 3, pp. 8–13. EDN: [YNGOTZ](#). DOI: 10.29141/2218-5003-2018-9-3-2.

3. Chernyshev S.B. *Technoeconomics. Who Needs Blockchain and Why*. Moscow, Politicheskaya Entsiklopediya Publ., 2018. 391 p.

4. Marx K., Engels F. German Ideology. In Marx K., Engels F. *Works*. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1955, vol. 3, pp. 7–544. (In Russian).

5. Veblen T. *The Theory of the Leisure Class: An Economic Study of Institutions*. New York, Macmillan, 1899. (In Russ.: Veblen T. *The Theory of the Leisure Class: An Economic Study of Institutions*. Moscow, Progress Publ., 1984. 367 p.).

6. Commons J.R. Institutional Economics. *American Economic Review*, 1931, no. 21, pp. 648–657.

7. Coase R. *The Natura of the Firm. The Firme, the Market and the Law*. Chicago, 1990, pp. 33–56. (Russ. ed.: Coase R. *The Natura of the Firm. The Firme, the Market and the Law*. Moscow, Novoe Izdatel'stvo Publ., 2007, pp. 36–57).

8. Parsons T. Prolegomena to a Theory of Social Institutions. *American Sociological Review*, 1990, vol. 55, no. 3, pp. 319–333.

9. Hayek F.A. *The Fatal Conceit. The Errors of Sosialism*. Chicago University Press, 1988. 194 p. (Russ. ed.: Hayek F.A. *The Fatal Conceit. The Errors of Sosialism*. Moscow, Novosti Publ., 1992. 303 p.).

10. North D.C. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge University Press, 2002. 152 p. (Russ. ed.: North D. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2002. 256 p.).

11. Eggertsson T. *Economic Behavior and Institutions*. Cambridge University Press, 1990. 385 p. (Russ. ed.: Eggertsson T. *Economic Behavior and Institutions*. Moscow, Delo Publ., 2001. 408 p.).

12. Dubrovsky V.Ya. Areas of Activity and Institutions. *Summa Methodologiae*, 2018, vol. 1, pp. 79–110. (In Russian).

13. McConnell C.P., Brue S.L. *Economics: Principles, Problems, and Policies*. 13th ed. New York, McGraw-Hill/ Irwin, 1991. Vol. 2. 808 p. (Russ. ed.: McConnell C.P., Brue S.L. *Economics: Principles, Problems, and Policies*. Moscow, Respublika Publ., 1992. Vol. 1. 399 p.).

14. Soto H. de. *The Mystery of Capital: Why Capitalism Triumphs in the West a. Fails Everywhere Else*. London, Black Swan, 2001. 275 p. (Russ. ed.: Soto H. de. *The Mystery of Capital: Why Capitalism Triumphs in the West a. Fails Everywhere Else*. Moscow, Olimp-Biznes Publ., 2004. 272 p.).

15. Berezkin Yu.M. Institutional Problems of the Project Financing from the Standpoint of the Activity Approach. *Izvestiya Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Baikal State University*, 2022, vol. 32, no. 1, pp. 57–66. (In Russian). EDN: [TCUDIK](#). DOI: 10.17150/25002759.2022.32(1).57-66.

16. Popov S.V. *Organization of the Economy in Russia*. Omsk, Kurer Publ., 1999. 288 p.

17. Platonov S. *After Communism*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1989. 256 p.
18. Berezkin Yu.M. Early Marx and Modern «Fintech». *Kreatinaya ekonomika = Creative Economy*, 2019, vol. 13, no. 2, pp. 389–406. (In Russian). EDN: [PPYDXT](#). DOI: 10.18334/ce.13.2.39881.
19. Baburina O.N. Sanctions and Russia's Foreign Economic Strategy Through the Prism of the Washington and Beijing Consensus. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost' = National Interests: Priorities and Security*, 2015, vol. 11, no. 23, pp. 48–58. (In Russian). EDN: [TWDDVL](#).
20. Vorobieva M. Federalism and "Vertical" of Power in Modern Russia. *Vlast' = Power*, 2008, no. 6, pp. 48–52. (In Russian). EDN: [KAQZNZ](#).
21. Anan'in O., Khaikulov R., Shestakov D. Washington Consensus: Landscape after the Battles. *Mirovaya ekonomika I mezhdunarodnye otnosheniya = World Economy and International Relations*, 2010, no. 12, pp. 15–27. (In Russian). EDN: [NXUMSD](#).

Информация об авторах

Берёзкин Юрий Михайлович — доктор экономических наук, профессор, кафедра финансов и финансовых институтов, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, BerezkinUM@bgu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9563-3692>, SPIN-код: 3178-9295, Scopus Author ID: 57209475251.

Каницкая Людмила Васильевна — доктор химических наук, профессор кафедры отраслевой экономики и управления природными ресурсами, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, kanlv@mail.ru, SPIN-код: 9719-2671, Scopus Author ID: 7003856451, ResearcherID: ABI-3224-2020.

Файберг Татьяна Владимировна — кандидат экономических наук, доцент, кафедра финансов и финансовых институтов, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, faibergtv@mail.ru, SPIN-код: 8547-3011, AuthorID РИНЦ: 505370.

Щербакowa Ирина Николаевна — кандидат экономических наук, доцент, кафедра финансов и финансовых институтов, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, Schirn@mail.ru, SPIN-код: 9001-6631, AuthorID РИНЦ: 485785.

Authors

Yuri M. Berezkin — D.Sc. in Economics, Professor, Department of Finance and Financial Institutions, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, BerezkinUM@bgu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9563-3692>, SPIN-Code: 3178-9295, Scopus Author ID: 57209475251.

Lyudmila V. Kanitskaya — D.Sc. in Chemistry, Professor, Department of Industrial Economics and Natural Resources Management, Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation, kanlv@mail.ru, SPIN-Code: 9719-2671, Scopus Author ID: 7003856451, ResearcherID: ABI-3224-2020.

Tatyana V. Faiberg — PhD in Economics, Associate Professor, Department of Finance and Financial Institutions, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, faibergtv@mail.ru, SPIN-Code: 8547-3011, AuthorID RSCI: 505370.

Irina N. Scherbakova — PhD in Economics, Associate Professor, Department of Finance and Financial Institutions, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, schirn@mail.ru, SPIN-Code: 9001-6631, AuthorID RSCI: 485785.

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the Authors

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Для цитирования

Берёзкин Ю.М. ФинТех как средство преодоления санкционного ущерба российским институтам рынка / Ю.М. Берёзкин, Л.В. Каницкая, Т.В. Файберг, И.Н. Щербакowa. — DOI 10.17150/2411-6262.2022.13(3).4. — EDN [DICEGS](#) // *Baikal Research Journal*. — 2022. — Т. 13, № 3.

For Citation

Berezkin Yu.M., Kanitskaya L.V., Faiberg T.V., Scherbakova I.N. FinTech as a Means of Overcoming Sanctions Damage to Russian Market Institutions. *Baikal Research Journal*, 2022, vol. 13, no. 3. (In Russian). EDN: [DICEGS](#). DOI: 10.17150/2411-6262.2022.13(3).4.